

Нетипичные источники судебных решений правителей государств Центральной Азии XVI–XIX вв.¹

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

DOI: 10.17816/WMO58499

В статье на конкретных примерах анализируется применение правителями центральноазиатских государств нетипичных источников при принятии судебных решений, которые либо не соответствовали основной правовой системе их государств, либо вообще не являлись источниками права. Автор рассматривает случаи в Бухарском ханстве XVI и XVII вв. и в Казахской степи первой трети XIX в. и делает вывод, что правители, вынося судебные решения, прибегали к таким источникам, желая продемонстрировать свою политическую позицию в глазах собственных подданных или правителей соседних государств.

Ключевые слова: тюрко-монгольские государства, источники права, суд и процесс, традиционное право, мусульманское право.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021.

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства НИУ ВШЭ, РФ; 198099, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17 (rpochekaev@hse.ru).

© Почекаев Р.Ю., 2021

В юридической практике тюрко-монгольских государств неоднократно имели место случаи, когда при наличии официально действовавшей правовой системы время от времени оказывались источники права, к этой системе не относившиеся. К их использованию обычно прибегали правители, стремившиеся по каким-либо причинам продемонстрировать или подчеркнуть свою политическую и идеологическую позицию. В настоящем исследовании на основе ряда конкретных примеров предпринимается попытка анализа политических причин выбора правителем в рамках судебных разбирательств юридических источников, находившихся вне официально действовавшей правовой системы того или иного государства. Несмотря на то что примеры относятся к разным государствам и эпохам, представляется, что их последователь-

¹ Статья является расширенной и доработанной версией доклада, представленного на конференции «Право и государство на Востоке: прошлое и настоящее», прошедшей в Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, 12–13 ноября 2018 г.).

ный анализ позволит выявить некие общие закономерности такого выбора источников права центральноазиатскими монархами.

Принцип Ясы, подкрепленный шариатом

Основатель Бухарского ханства Мухаммад Шайбани-хан (1500–1510), потомок монархов Золотой Орды, в молодости получил прекрасное образование и являлся выдающимся богословом и правоведом своего времени. Несмотря на активную государственную деятельность и непрерывающиеся завоевания, он нередко находил время для проведения научных диспутов по теологическим и юридическим вопросам, порой носившим не только схоластический, но и весьма практический характер. Его придворный историограф Фазлаллах б. Рузбихан Исфাহани, и сам являвшийся хорошим правоведом, даже, по некоторым сведениям, занимавшим должность судьи в Мекке и Медине, описал один из таких диспутов, в ходе которого хан продемонстрировал не только мусульманское благочестие, но и свою связь с чингизидскими традициями:

Как-то раз в стольном городе Герате, да сохранил его Аллах от несчастий, высокостепенное ханское величество соизволили спросить у гератских улемов: «Что является основанием для наследования — родство, или брачное свойство, или опекунство? Обязательное требование родства заключается в том, что, когда существует родственник, то он получает наследство, и при наличии родного сына внук по этой причине не наследует, так как имеется более близкий родственник, чем он. Логически следует, что самый близкий родственник по линии его [происхождения] становится препятствием наследованию внука, но не родственник вообще. Следовательно, если внук происходит от сына, который не является связующим звеном между внуком и дедом, а является сыном другого, которого не существовало во время составления завещания, чтобы претендовать на наследство, то наследство получает тот внук (правнук). Таково логическое суждение. Однако согласное мнение улемов сходится на том, что внук при наличии сына наследства не получает, будь это внук от живого сына или сына, умершего при жизни отца, который является дедом этого внука. Неизвестно, что служит [юридическим] основанием этого согласного мнения. Необходимо привести цитаты из Писания или сунны, чтобы доказать, что внук при наличии сына не наследует, или же необоснованное согласное мнение улемов не заслуживает внимания. А ведь в ясе Чингизхановой сказано, что внук, отец которого умер при жизни деда, в наследовании приравнивается к родному сыну.

Ни один из присутствовавших в собрании гератских улемов не нашел текста, который внес бы ясность...

Дело кончилось тем, что [хан] пожелал отложить это предписание, ибо в тексте не было обоснованного довода, и [велел] поступать по установлению Чингизхана. Однако поскольку оно противоречило общему мнению улемов, то [хан] остался в нерешительности...

[Между тем один из жителей Бухары, по прозвищу Амир Аху, выдававший себя за сейида и считавший себя ученым, представил хану из какой-то книги выписку, с содержанием которой якобы был согласен казий Шурайх. По довольно запутанному

тексту этой выписки Амир Аху делал вывод, что внук получает часть наследства. По мнению же Ибн Рузбихана, бухарец просто не понял представленного им текста.]

На следующий день, когда я, бедняк, вместе с улемами удостоился сидеть на августейшем собрании, его величество наместник всемиростивого, показав представленную Амиром Аху выдержку, выразил радость по поводу совпадения мнений и суждений его величества и казия Шурайха и изволил сказать: «Нам подобает действовать по слову казия Шурайха, и теперь будем поступать так». Он повелел его высочеству прибежищу царства, могущественному как судьба, Мухаммад Тимур-султану, чтобы написали в областях Мавераннахра указ, дабы казни действовали по нему и произвели уравниение в наследовании родного сына и внука» (Исфакхани 1976: 59–60).

Решение, принятое ханом и, по сути, навязанное им мусульманским законоведам, отражает двойственную позицию Мухаммада Шайбани, которая проявлялась в самых разных аспектах его деятельности. С одной стороны, будучи прямым потомком Чингис-хана, он, несомненно, унаследовал уважение к имперским ценностям своего семейства — правящего рода Золотой Орды. С другой стороны, в молодости он, как уже отмечалось, получил мусульманское образование в Бухаре и в течение всей жизни поддерживал контакты с влиятельными представителями среднеазиатского духовенства, которые неоднократно оказывали ему поддержку и в завоевании государства Тимуридов в Средней Азии.

Любопытно, что и в процессе завоевания империи потомков Тимура Мухаммад Шайбани-хан обосновывал свои действия как с помощью мусульманских, так и с помощью чингизидских принципов. Как правоверный мусульманин, он бросал вызов потомкам Тимура, которого многие влиятельные богословы еще в конце XIV в. открыто провозглашали врагом ислама и даже издали по этому поводу несколько фетв. Вместе с тем, как потомок Джучи, старшего сына Чингис-хана, Шайбани-хан отвоевывал у Тимуридов (не принадлежавших к роду Чингис-хана) владения, некогда являвшиеся Улусом Чагатай — тоже сына Чингис-хана.

Став во главе Средней Азии — региона с многовековыми мусульманскими традициями, Мухаммад Шайбани, конечно же, не мог не демонстрировать ревностной приверженности к исламу, чтобы снискать лояльность и поддержку своих новых оседлых подданных. Но при этом он оставался главой Шибанидов, одной из ветвей рода Чингис-хана, и предводителем «кочевых узбеков», среди которых мусульманская религиозность была не столь сильна, сколь их пиетет к роду Чингизидов и имперским правовым традициям.

Хану даже приходилось научно обосновывать причины двойственности тех норм и принципов, согласно которым он был вынужден поступать, чтобы обеспечить контроль как над оседлыми, так и над кочевыми подданными. В частности, этому посвящено произведение, условно называемое «Апология Мухаммада Шайбани-хана», — своеобразный гипотетический диалог самого хана с шейх-ул-исламом, судьей-кази и муфтием. Согласно сюжету, они упрекают автора за его не слишком благочестивые деяния, обвиняя в том, что он не поступает как ревностный мусульманин, во многом уподобляясь Тимуридам. Более того, ему в вину ставится даже его происхождение от Чингис-хана, который, как известно, не принадлежал к приверженцам истинной веры. Шайбани-хан в свою защиту заявляет, что он, будучи истинным борцом за веру,

не дающим неверным ни шанса, опирается на шариат как основной закон и оказывает покровительство суфиям. Чингизидское же происхождение и соблюдение монгольских обычаев позволили ему занять трон и вести борьбу за торжество ислама более эффективно. Характерно, что при этом вместо прежней «линии защиты» он сам начинает критиковать представителей духовенства: по его словам, они не могут поставить себя на место правителя, потому и упрекают его со своей точки зрения — с позиции мистиков и аскетов (Bodrogligeti 1994: 85–89, 90, 98, 99; см. также: Кюгельген 2004: 46).

Соответственно, в процитированном выше диспуте хан повел себя именно таким образом: он как монарх поставил точку в затянувшемся споре и повелел действовать по Ясе Чингис-хана, которая уже в XV в. подверглась суровой критике мусульманского духовенства Средней Азии (см., например, Болдырев 1985: 55), хотя в качестве компромисса и сослался на подтверждающее ее положение сомнительное мнение мусульманского правового авторитета.

Однако возникает вопрос: почему же хану так нужно было добиться принятия именно такого решения — чтобы внук мог наследовать деду при живых других сыновьях? Полагаем, по той причине, что это решение напрямую касалось самого Шайбани-хана и его прав на власть. Дело в том, что Мухаммад Шайбани приходился внуком могущественному узбекскому хану Абулхаиру (1428–1468), причем по линии старшего сына Шах-Будаг-султана — но скончавшегося раньше своего отца. После смерти его деда короткое время правил его второй сын Шейх-Хайдар (1468–1469), после гибели которого семейство Шибанидов признало своим главой именно Мухаммада Шайбани, несмотря на то что в живых было еще несколько сыновей Абулхаира, т.е. дядьев нового монарха (см., например, Материалы 1969: 19–20)². Таким образом, как видим, проблема, обсуждавшаяся на диспуте в Герате, в точности отражала ситуацию с притязаниями Шайбани-хана на трон. Не ограничиваясь фактическим признанием старшими родственниками своего первенства, он решил гарантировать себе право на власть и ссылкой на мусульманское право, пусть даже и соотнес ее с принципами «языческой» Ясы Чингис-хана, лишняя раз намекнув своим богословам, что в случае их отказа признать его волю он может «забыть» о своем мусульманском благочестии и поступить с ними как потомок «неверного» Чингис-хана!

Кстати, в продолжении рассказа Ибн Рузбихана сообщается, что улемы все-таки остались неудовлетворенными этим «временным» решением и по настоянию казия Самарканда собрались вновь, указав хану, что приседанные доводы «вовсе не подтверждают вопроса». Тогда Шайбани-хан поручил решение вопроса самому Ибн Рузбихану, который, опираясь на труды двух выдающихся правоведов прошлого, все же сумел найти более авторитетное подтверждение позиции хана, чем и монарх, и улемы оказались удовлетворены, «и опасение исчезло из сердец» (Исфакхани 1976: 60–61). Таким образом, хан в конечном счете добился своего, не бросая открытого вызова мусульманским ценностям, и хотя бы формально обеспечил своему решению поддержку богословов.

² На пользу Мухаммаду Шайбани пошло то, что в чингизидской политико-правовой традиции не было предусмотрено четкого порядка престолонаследия, и ханом можно было стать по любому из целого ряда оснований — как старшему в роду, как наследнику по завещанию предшественника, как самому удачливому военачальнику и т.д. (см. подробнее: Султанов 2017: 88–97).

Историческое сочинение как источник права

Повествуя о событиях в том же Бухарском ханстве, но уже относящихся к началу XVII в., Мир Мухаммад Амин-и Бухари, придворный историк хана Убайдаллаха II (1702–1711), пишет:

Когда государь мира по коранскому выражению: делает аллах то, что пожелает, и устанавливает то, что захочет, — ступил на небовидный трон, его брат, Асадулла султан, алчно стремясь к обладанию государством и казною, заявил: «Мы два цветка с одного дуга, две жемчужины из одной раковины; согласно же шариату, брат должен разделить [со мною] государство, казну и все наследство, оставшееся после покойного [государя Субханкули хана], и поручить мне управление [областью] Балха. [Я же] до тех пор, пока буду жив, не выйду из повиновения и подчинения брату. Если же этого не осуществится, то он будет узурпатором моего права».

Государь мира услышал точное известие об этом неправильном замысле и, не смотря на то что его брат был под арестом, обеспокоился в отношении такого рода его слов. Приставанье его брата увеличило его страх и опасение...

Монарх мира, потребовав к себе в покой Бек Мухаммед бия дадху и Тарамтай хаджи калмыка, сказал [им]: «Вы читали книгу „Равзат ас-сафа“ и играли в шахматы?» Когда два эмира услышали эти полные намека слова, слетевшие с языка государя, они, в отношении ясности их значения, преклонили колени. Государь в разъяснение сего сказал: «Слышали ли вы из истории, чтобы в одном городе было два царя и чтобы два короля стояли на шахматной доске вместе?».

Посему как мне не отделаться от такого брата, который не довольствуется [назначенной ему] очередью? Если я проявлю в этом отношении небрежность и бездеятельность, то как бы мне потом горько не раскаяться!»

Разумеется, эти два эмира, слыша такие многозначительные слова, согласились с ними и приказали Джавишан-калмыку, убийце принцев: «Иди к покровительству красоты, [принцу Асадулле султану]!» И тот страшный, как Сатурн, и свирепостью подобный Марсу — ибо был палачом во дворце, — безжалостным мечом прервал нить жизни злополучного, не выдавшего света царевича в той комнате, где он находился (Бухари 1957: 30–31).

Как видим, хан приводит весьма специфический довод в пользу того, что следует избавиться от брата-соперника, — ссылку на историческое сочинение. Других примеров использования подобного рода «источника права» в тюрко-монгольских государствах мы не знаем. Попытаемся разобраться, что же побудило Убайдаллаха II прибегнуть именно к такому обоснованию своих действий.

Прежде всего отметим, что ко времени описываемых событий (конец XVII — начало XVIII в.) Бухарское ханство переживало глубокий политический кризис. Династия Аштарханидов (к которой принадлежал и Убайдаллах), пришедшая к власти в начале XVII в., на какое-то время стабилизировала ситуацию в государстве, но уже во второй половине века начались снижение авторитета правящей династии и возвышение узбекских родоплеменных вождей. Сам Убайдаллах II был провозглашен ханом в ущерб двум своим братьям именно в результате сговора кочевой аристократии. Естественно, возведя его на трон, знать надеялась, что он будет ей покорен, — в противном случае она могла бы его так же легко низложить и возвести на трон другого брата (см. подробнее: Алексеев 2006: 179–180). Вероятно, именно на это и делал ставку его брат Асадулла-султан, когда заявил о своих притязаниях на власть.

Таким образом, отдавая приказ расправиться с братом, Убайдаллах «убивал двух зайцев»: избавлялся от опасного конкурента и показывал бухарской знати, что способен на решительные действия. Конечно, этот приказ в отношении родного брата, уже и так сидевшего под арестом, являлся проявлением коварства и вероломства со стороны хана, и в этом ни современники, ни историки не обманывались (Ахмедов 1985: 91). Однако, пусть даже чисто внешне, Убайдаллах постарался придать обоснованность своему решению и сделал это, надо сказать, не без некоторого изящества. Остается вопрос: почему же он сослался на историческое сочинение?

Стоит сказать несколько слов о самом произведении «Равзат ас-сафа фи сират ал-анбийя ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов»), написанном среднеазиатским историком Мухаммадом б. Хонд-шахом б. Махмудом, более известным как Мирхонд (1433–1498). Оно относилось к типу «всемирных историй» и в течение долгого времени считалось весьма популярным и в значительной степени эталонным: оно даже заучивалось наизусть подобно Корану, хотя и превосходило его по объему в несколько раз (Стори 1972: 361; Султанов 2005: 211). Ссылка на такое произведение, безусловно, должна была не только «красиво» обосновать расправу хана с братом-соперником, но и подчеркнуть, что монарх является образованным, высококультурным правителем — достойным наследником прежних ханов, которые не только эффективно управляли государством, но и сами были знатоками культуры и искусства, сочиняли стихи, устраивали научные и богословские диспуты и т.д.³ Тем самым Убайдаллах, возможно, показывал, что намерен вернуть «золотой век» Бухары. Правда, сделать это ему не удалось: после неудачных попыток избавиться от опеки представителей кочевой знати в 1711 г. Убайдаллах в результате очередного переворота был свергнут и вскоре убит, а на трон вступил его малолетний брат Абу-л-Файз (см. подробнее: Абдураимов 1966: 137–164).

Надо сказать, что опора на исторические сочинения в политической жизни была на Востоке довольно широко распространена. Это — и создание придворных исторических хроник, в которых не только воспевались деяния правящих монархов, но и подчеркивалась их преемственность с предшественниками, т.е. непрерываемость права на власть. Это — и проведение параллелей с великими правителями прошлого, через которое «ненавязчиво» внушалось подданным, насколько велик их нынешний монарх⁴. Ссылки на исторические события для обоснования своей позиции стали настолько привычными, что даже русские государи пользовались этим приемом в отношениях с тюрко-монгольскими правителями (см., например, Моисеев 2018).

А вот использование исторических сочинений при принятии судебного решения (а именно таковым формально являлся и приказ Убайдаллаха, решившего наказать брата за притязания на власть), как уже отмечалось, в процессуальной практике нам практически неизвестно⁵.

³ Правда, Аштарханиды, в отличие от предшествующей династии Шайбанидов, среди которых и в самом деле было довольно много деятелей искусства и литературы, не отличались склонностью к изящной словесности: пожалуй, только Надир-Мухаммад (1642–1645), дед Убайдаллаха, был известен тем, что устраивал научные диспуты и сочинял стихи (Норик 2011: 403–404).

⁴ Например, российский дипломат Е.К. Мейендорф вспоминал, что во время его приезда в Бухару в 1820 г. на площадях города по приказанию эмира Хайдара читалась история «Искандера Зулкарнайна», т.е. Александра Македонского (Мейендорф 1975: 151; см. также: Кюгельген 2004: 178).

⁵ Единственным сходным казусом, насколько можно судить, является судебное разбирательство в Парижском парламенте в 1586 г., во время которого стороны активно ссылались на сведения исторического характера для решения вопроса о назначении кюре университетской церкви, для чего надо было установить, кто является основателем Парижского университета — французский король или римский папа (Уваров 2013).

Мусульманское благочестие казахского хана

Российский ученый-востоковед и дипломат Е.К. Мейендорф, посетивший в 1820–1821 гг. с посольской миссией Бухарский эмират, по пути проезжал через владения казахского хана Арын-Гази, правителя части Младшего жуза (1815–1821). В своих дневниках он отметил нетипичное для казахских правителей тяготение к исламу, проявившееся, в частности, и в его судебной деятельности.

По этому поводу Е.К. Мейендорф в своей записке о состоянии дел в Младшем жузе на имя министра иностранных дел К.В. Нессельроде писал:

Арын-Газы, желая восстановить порядок в Малой Орде и приписать себе заслуги, на которые не имел права претендовать хан Шир-Газы, решил положить предел грабёжам и воровству, которые приводили в отчаяние его соотечественников.

Он оставил берега Сыра, направился в глубь степи, предшествоваемый молвой о своей испытанной справедливости, и считал, что достигнет всего справедливой строгостью, которой он нашел более полезным и менее жестоким придать характер религиозной справедливости: все изречения были произнесены муллою-казы как предписанные Алкораном. Первое изречение, которое Арын-Газы заставил произнести в глубине степи, стоило жизни 11 ворам, которые были обезглавлены. Вскоре после этого 9 других киргизов постигла та же участь, потом семерых, потом пятерых, и до сих пор еще не проходит года, чтобы его суровость не нашла себе несчастных жертв.

Покой восстановился в Орде (Материалы 1940: 361–362, 378).

А в своей монографии, подготовленной на основе записок, которые Мейендорф вел во время поездки в Бухару, дипломат вспоминал и другие примеры правосудия хана Арын-Гази:

На следующий день после нашего прибытия султан, окруженный свитой из сотни киргизов, прибыл верхом с визитом к г-ну Негри⁶. На голове у него была чалма, что совершенно не принято в этой пустыне, но считается признаком благочестия со стороны магометанина, стремившегося отличить себя от киргизской массы...

На другой день я отправился навестить его. По пути я встретил около 50 киргизов. Подъехав к ним, я узнал, что они собрались для исполнения приговора, вынесенного султаном одному их соплеменнику, укравшему лошадь. Согласно Корану, он был осужден на смерть. Но старики киргизы упрашивали султана помиловать его, дабы Провидение обеспечило благоприятный результат похода, который султан намеревался предпринять, и чтобы его милосердие оказалось счастливым предзнаменованием при встрече с русскими. Султан удовлетворил их просьбу, и наказание было смягчено.

Полуобнаженного вора с надетым на шею куском черной кошмы, свисавшей на плечи, два вооруженных нагайками всадника погнали до ближайшей юрты. Там ему вымазали лицо сажей и заставили пройти сквозь группу киргизов. Затем к хвосту лошади привязали веревку, велели вору взять ее в зубы и бежать за лошастью, которую двое гнали вскачь, а мчавшиеся за вором кочевники били его нагайками. Боль-

⁶ Российский дипломат А. Негри являлся главой посольства в Бухару, в которое входил Мейендорф.

шинство присутствовавших смеялись до слез, некоторые ругались. Наконец спустя несколько минут вора отпустили. Затем он поблагодарил султана и обещал ему более не красть. Лошадь вора подверглась участи, которая первоначально была определена ее хозяину: ей перерезали горло, а затем в одно мгновение она была разъята на части и поделена между присутствовавшими киргизами, причем не обошлось без громких криков, возни и нагаечных ударов (Мейендорф 1975: 28–29).

Сам дипломат, как видим, отметил, что Арин-Гази выглядел и вел себя не так, как «принято в этой пустыне», и полагает, что он стремился «отличить себя от киргизской массы». Однако была ли приверженность хана к исламу только отражением его стремления выделиться среди других? Вряд ли для этого ему стоило вершить суд на основе шариата.

Дело в том, что казахи, формально принявшие ислам еще в XIV–XV вв., всегда считались «плохими мусульманами», отличались «религиозным индифферентизмом», мало уважали мусульманское духовенство и даже священную книгу Коран (Козлов 1998: 305–306)⁷. Известно, что предпринимались попытки инкорпорировать некоторые нормы шариата в казахское право — в частности, в правовой памятник «Жеты жаргы» («Семь установлений»), составленный в конце XVII в. под руководством хана Тауке (1680–1715) и предусматривавший смертную казнь за отказ от ислама. Однако, учитывая упомянутый «индифферентизм» казахов, можно предполагать, что применялись такие наказания весьма редко, а после перехода казахов в российское подданство и распространения на них имперского законодательства и вовсе сошли на нет (Фукс 2008: 772–773).

Большинство преступлений у казахов каралось штрафом-куном, обычно определявшимся в головах скота (чаще всего в баранах, реже — в конях или верблюдах), тогда как смертная казнь или телесные наказания применялись весьма и весьма редко. Неудивительно, что неоднократные смертные приговоры, выносившиеся Арин-Гази, производили впечатление не только на русских дипломатов, но и на самих казахов. Впрочем, убедившись в том, что он намерен суровыми — пусть даже не соответствовавшими казахским правовым традициям — мерами искоренять преступность, его подданные и в самом деле стали меньше нарушать закон, посягать на чужое имущество и совершать грабительские набеги (*барымту*) друг на друга. За водворение порядка в подвластных ему районах Степи Арин-Гази приобрел репутацию честного и справедливого человека и даже получил прозвище «тенум-хан», т.е. «хан-миротворец» (Аполлова 1960: 412–413; Мейер 1865: 36).

Однако, как представляется, Арин-Гази двигало не только стремление восстановить законность и правопорядок в Степи. Хотя он и считался ханом среди своих подданных в части казахского Младшего жуза, он не признавался в ханском достоинстве российскими властями, точно так же как не признавались в таковом его предки — прадед Батыр (1748–1771), дед Каип (1786–1791) и отец Абдул-Газииз (1794–1815): имперские власти отдавали предпочтение представителям другой ветви казахского ханского рода — в частности хану Ширгази (1812–1824), не пользовавшемуся авторитетом среди собственных подданных (Ерофеева 2003: 86)⁸.

⁷ И.А. Козлов даже приводит пример, что, когда одного казаха мулла призвал поклясться на Коране, тот подчинился, но после совершения процедуры схватил Коран и... начал им бить по голове самого муллу!

⁸ Особенности отношений Арин-Гази с российскими властями уже освещались нами ранее (Почкаев 2017: 154–168).

Поскольку Арин-Гази враждовал также и с Хивинским ханством⁹, то ожидать признания его прав на ханский трон (что они практиковали в отношении других казахских правителей) не приходилось. Оставалось лишь одно достаточно могущественное государство, признание которого имело вес в регионе, — Бухарский эмират. Правитель Бухары носил титул «амир ал-муминин», т.е. «повелитель правверных», поэтому, чтобы снискать его поддержку, Арин-Гази и следовало всячески демонстрировать мусульманское благочестие — что он, собственно, и делал. В результате казахский правитель добился своей цели, получив ярлык о пожаловании ханского титула от эмира Хайдара (1800–1826) (История Казахстана 2013: 34–35). Правда, наслаждаться своим успехом ему пришлось недолго: в 1821 г. он был вызван в Санкт-Петербург якобы для того, чтобы вручить ему награду за сопровождение российского посольства в Бухару, но на самом деле — чтобы быть обвиненным в раздувании вражды с Хивинским ханством и противодействии российскому ставленнику хану Ширгазы. В 1822 г. Арин-Гази был сослан в Калугу, где и умер в 1833 г. (Мейер 1865: 39–40; Халфин 1974: 148–153).

Итак, как представляется, такие, казалось бы, частные случаи, как выбор источников права при принятии властных (в нашем исследовании — судебных) решений, могут в значительной степени отразить ту политическую позицию, которую занимал использовавший их правитель. Вместе с тем, конечно, нельзя не принимать во внимание, что такой выбор в немалой степени обуславливался и отсутствием четкой регламентации тех или иных сфер правоотношений, что вообще было характерно для восточных и, в частности, тюрко-монгольских государств.

Литература

- Абдураимов 1966 — *Абдураимов М.А.* Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Т. 1. Ташкент: Фан, 1966.
- Алексеев 2006 — *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения *Бахр ал-асрар*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006.
- Аполлова 1960 — *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Ахмедов 1985 — *Ахмедов Б.А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985.
- Болдырев 1985 — *Болдырев А.Н.* Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре // *Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма*. М.: Наука, 1985. С. 47–63.
- Бухари 1957 — *Мир Мухаммед Амин-и Бухари*. Убайдалла-наме / Пер. А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957.
- Ерофеева 2003 — *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. Алматы: Print-S, 2003.

⁹ Причин для вражды Арин-Гази с Хивой было несколько: это и тот факт, что его дед и прадед в свое время занимали хивинский престол, что заставляло хивинских ханов не доверять их потомку, и то, что он деятельно противостоял попыткам Хивы распространить свою власть на казахов Младшего жуза. Дошло до того, что, когда в Степь прибыла миссия А. Негри, он распространил слух, будто это — русский военный отряд, который направлен ему на помощь для ведения войны с Хивой (Материалы 1940: 372–374; Мейер 1865: 38–39).

- История Казахстана 2013 — История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Т. Жанаев. Караганда: Экожан, 2013.
- Исфакхани 1976 — *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани*. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., предисл., примеч. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М.: Наука, 1976.
- Козлов 1998 — *Козлов И.А.* Обычное право киргизов // Материалы по казахскому обычному праву. Алматы: Жалын баспасы, 1998. С. 300–319.
- Кюгельген 2004 — *Кюгельген А. фон*. Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004.
- Материалы 1940 — Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV (1785–1828 гг.) / Отв. ред. В.И. Лебедев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Материалы 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969.
- Мейендорф 1975 — *Мейендорф Е.К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару / Пер. с фр. Е.К. Бергера; ред. и вступит. ст. Н.А. Халфина. М.: Наука, 1975.
- Мейер 1865 — *Мейер Л.* Киргизская степь оренбургского ведомства. СПб.: Типография Э. Веймара и Ф. Персона, 1865.
- Моисеев 2018 — *Моисеев М.В.* Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. Т. 6. № 2. 2018. С. 283–303.
- Норик 2011 — *Норик Б.В.* Биобиблиографический словарь среднеазиатской поэзии (XVI — первая треть XVII в.). М.: ИД Марджани, 2011.
- Почекаев 2017 — *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — начало XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017.
- Стори 1972 — *Стори Ч.А.* Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Ч. I. Кораническая литература. Всемирная история. История пророков и ранний ислам / Пер., перераб. и доп. Ю.Э. Брегея. М.: Наука, 1972.
- Султанов 2005 — *Султанов Т.И.* Зерцало минувших столетий. Историческая книга в культуре Средней Азии XV–XIX вв. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005.
- Султанов 2017 — *Султанов Т.И.* Чингис-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб.: Евразия, 2017.
- Уваров 2013 — *Уваров П.Ю.* Университет — дочь двух отцов? История как аргумент в суде и средство социальной консолидации (Париж, 1586 г.) // Люди и тексты. Исторический альманах. Вып. 3. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 183–226.
- Фукс 2008 — *Фукс С.Л.* Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана: Юридическая книга, 2008.
- Халфин 1974 — *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М.: Наука, 1974.
- Bodrogligeti 1994 — *Bodrogligeti A.J.E.* Muḥammad Shaybānī Khan's Apology to the Muslim Clergy // Archivum Ottomanicum. Vol. 13. 1993/1994. P. 85–100.

References

- Abduraimov M.A. *Ocherk agrarnykh otnoshenii v Bukharskom khanstve v XVI — pervoi polovine XIX v.* [Essay on Agrarian Relations in the Khanate of Bukhara of 16th — First Half of 19th Century] T. 1. Tashkent: Fan, 1966 (in Russian).
- Akhmedov B.A. *Istoriko-geograficheskaia literatura Srednei Azii XVI–XVIII vv. (pis'mennye pamiatniki)* [Historical and Geographical Literature of the Central Asia of the 16th–18th Centuries. (Written Monuments)]. Tashkent: Fan, 1985 (in Russian).

- Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov: po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya "Bakhr al-asrar"* [The Political History of the Tuqay-Timurids: Based on the Persian Historical Work *Bakhr al-Asrar*]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2006 (in Russian).
- Apollova N.G. *Ekonomicheskie i politicheskie svyazi Kazakhstana s Rossiei v XVIII — nachale XIX v.* [Economical and Political Relations of Kazakhstan and Russia in the 18th and Early 19th Centuries]. Moscow: Academy of Sciences of USSR Press, 1960 (in Russian).
- Bodrogligeti A.J.E. "Muhammad Shaybani Khan's Apology to the Muslim Clergy". *Archivum Ottomanicum*, vol. 13, 1993/1994, pp. 85–100 (in English).
- Boldyrev A.N. "Eshche raz k voprosu o Khodzha Akhrare" [Once More on Hodja Ahrar]. In: *Dukhovenstvo i politicheskaya zhizn' na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma* [Clergy and Political Life in the Middle East and Central Asia during the Period of Feudalism]. Moscow: Nauka, 1985, pp. 47–63 (in Russian).
- Erofeeva I.V. *Rodoslovnye kazakhskikh khanov i kozha XVIII–XIX vv.* [Genealogies of Kazakh Khans and Hodjas of the 18th–19th Centuries]. Almaty: Print-S, 2003 (in Russian).
- Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. *Mikhman-name-yi Bukhara* ("Zapiski bukharskogo gostya") [The Notes of a Bukharan Guest], transl. by R.P. Dzhalilova, ed. by. A.K. Arends. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian).
- Fuks S.L. *Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v.* [Essays on the History of State and Law of the Kazakhs in the 18th — First Half of the 19th Centuries]. Astana: Iuridicheskaya kniga, 2008 (in Russian).
- Khalfin N.A. *Rossiia i khanstva Srednei Azii (pervaia polovina XIX v.)* [Russia and the Khanates of Central Asia (First Half of the 19th Century)]. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian).
- Kozlov I.A. "Obychnoe pravo kirgizov" [The Customary Law of the Kyrgyz]. In: *Materialy po kazakhskomu obychnomu pravu* [Materials on Kazakh Customary Law]. Almaty: Zhalyn baspasy, 1998, pp. 300–319 (in Russian).
- Kyugel'gen A. von. *Legitimatsiya sredneaziatskoi dinastii Mangitov v proizvedeniakh ikh istorikov (XVIII–XIX vv.)* [The Legitimization of the Central Asian Dynasty of Mangyts in the Works of Their Historians (18th–19th Centuries)]. Almaty: Dayk-Press, 2004 (in Russian).
- Lebedev V.I. (ed.). *Materialy po istorii Kazakhskoi SSR* [Materials on the History of the Kazakh SSR]. T. IV (1785–1828). Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1940 (in Russian).
- Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (Izvlecheniya iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii)* [Materials on the History of Kazakh Khanates of the 15th–18th Centuries (Extracts from Persian and Turkic Works)], comp. by S.K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudin. Alma-Ata: Nauka, 1969 (in Russian).
- Meyendorf E.K. *Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu* [A Journey from Orenburg to Bukhara], transl. by E.K. Berger, ed. by N.A. Khalfin. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian).
- Meyer L. *Kirgizskaya step' orenburgskogo vedomstva* [Kyrgyz Steppe of Orenburg Subordination]. St. Petersburg: E. Veymar i F. Person's Printing Press, 1865 (in Russian).
- Mir Mukhammad Amin-i Bukhari. *Ubaydalla-name* [The Book of Ubaidullah], transl. by A.A. Semenov. Tashkent: Academy of Sciences of Uzbek SSR Press, 1957 (in Russian).
- Moiseev M.V. "Istoricheskie primery v poslaniiakh Ivana IV v Krymskoe khanstvo i Nogaiskuiu Ordu" [Historical Examples in Ivan IV's Letters of to the Crimean Khanate and Nogay Horde]. *The Golden Horde Review*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303 (in Russian).
- Norik B.V. *Biobibliograficheskii slovar' sredneaziatskoi poezii (XVI — pervaya tret' XVII v.)* [A BioBibliographical Dictionary of Central Asian Poetry (the 16th — First Third of the 17th Centuries)]. Moscow: Mardzhani Publishing House, 2011 (in Russian).
- Pochekaev R.Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII — nachalo XX v.* [Governors and Khans. The Personal Factor in the Russian Law-Making in Central Asia: The 18th to the Early 20th Century]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017 (in Russian).

- Stori Ch.A. *Persidskaya literatura. Biobibliograficheskiy obzor. Ch. I. Koranicheskaia literatura. Vsemirnaia istoriia. Istoriia prorokov i rannii islam* [Persian Literature: A Bio-Bibliographical Essay. Pt. 1: Koranic Literature. The World History. History of Prophets and Early Islam], transl. and suppl. by Yu.E. Bregel'. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian).
- Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chinggis Khana and the Chinggisids. Their Fate and Power]. St. Petersburg: Eurasia Publishing, 2017 (in Russian).
- Sultanov T.I. *Zertsalo minuvshikh stoletiy. Istoricheskaya kniga v kul'ture Sredney Azii XV–XIX vv.* [The Mirror of the Past Centuries: Historical Book in the Culture of Central Asia of the 15th–19th Centuries]. St. Petersburg.: The Faculty of Philology of the St. Petersburg State University, 2005 (in Russian).
- Uvarov P.Yu. "Universitet — doch' dvukh ottsov? Istoriia kak argument v sude i sredstvo sotsial'noi konsolidatsii (Parizh, 1586 g.)" [University — a Daughter of Two Fathers? History as an Argument at Court and an Instrument of Social Consolidation (Paris, 1586)]. In: *Liudi i teksty. Istoricheskii al'manakh* [People and Texts: A Historical Almanac]. Issue 3. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2013, pp. 183–226 (in Russian).
- Zhanaev B.T. (ed.). *Istoriia Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh* [The History of Kazakhstan in Documents and Materials: An Almanac]. Issue 3. Karaganda: Ekozhan, 2013 (in Russian).

Untypical Sources for Court Decisions by the Rulers of Central Asian States in the 16th–19th Centuries

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2021, volume 18, no. 1 (issue 44), pp. 62–73)
Received 19.10.2020.

Roman Yu. Pochekaev

National Research University Higher School of Economics, ul. Promyshlennaia 17, St. Petersburg, 198099 Russian Federation.

The article analyzes specific cases of making court decisions by the rulers Central Asian states on the basis of sources which were either unrelated to the basic legal system of their state or were not sources of law. The author characterizes cases from the Bukhara Khanate of the 16th and 17th centuries and from the Kazakh Steppe of the first half of the 19th century. He finds that rulers used such sources of their court decisions to demonstrate their political position for their own subjects or rulers of neighboring states.

Key words: Turkic-Mongol states, sources of law, court and procedure, traditional law, Islamic law.

About the author:

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (rpochekaev@hse.ru).